

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

НАДЕЖДА НА СЧАСТЬЕ

В этой актрисе есть тайна, которую всегда хочется разгадывать. Она проста и непостижима, нелепа и прекрасна. В ее лице живет неподвластное времени женское начало, а в голосе звучит тоска по несбывшемуся и надежда на счастье. Ты смотришь, как она радуется и грустит, смеется и плачет, и ищешь в ее игре ответы на вопросы, которые давно уже задаешь себе сам. И это все о сегодняшней гостье «Тверской, 13», народной артистке России Татьяне ВАСИЛЬЕВОЙ

- Татьяна Григорьевна, вы с детства хотели быть актрисой?

- Сначала думала, что буду балериной, но потом все как-то сошлось на драматическом театре. В Ленинграде, где я жила, проходил набор в школу-студию МХАТ, откуда к нам приезжали преподаватели. Там я прошла три тура, а потом еще и в Москве столько же. Правда, творческие экзамены я сдавала во все театральные вузы столицы, и во ВГИК в том числе. И везде меня приняли, но для меня это буквы МХАТ - очень много тогда значили, и я решила остановиться на школе-студии. А они сделали еще и дополнительный тур, так что я очень рисковала: тогда было хоть и немного блатных, но моя подруга, которая считалась лучшей в Ленинграде, из-за этого не прошла конкурс. Если бы такое случилось со мной, я бы, наверное, в следующем году не поехала поступать, а повесилась бы где-нибудь.

- Неужели вы совсем не верили в себя?

- Я всегда была слишком закомплексованной, неуверенной в себе. И сознавала свое несовершенство в каких-то преумноженных степенях. Была очень большой, нескладной и страшно себя стеснялась. Я вся состояла из сплошных недостатков. По крайней мере так я себя видела. И пока бесцельно слонялась по Ленинграду, ходила в школу, где была очень средней ученицей и ничего собой не представляла, никакими талантами не блистала, мне было очень тяжело. Это все прекратилось, когда у меня появилась цель в жизни. Будто какая-то сила меня толкнула попробовать себя в театре. Скорее всего от отчаяния. И я совершенно забыла, что я самая длин-

ная и нескладная, что у меня одно плечо выше другого. Передо мной появился другой свет, и до сих пор он меня ведет. Меня, кстати, и в школу-студию взяли, я думаю, за мою вот эту странность, которая называется индивидуальностью.

- Вам встречались режиссеры, которые бы перевернули ваше привычное представление о мире и о профессии или хотя бы были на шаг впереди вас?

- Мне повезло, у меня было даже два таких режиссера - это Питер Штайн и Петр Фоменко. По крайней мере они всегда могли ответить конкретно на конкретный вопрос. И хотя Штайн очень злился, когда я его о чем-то спрашивала, но иначе я просто не сыграла бы роль Клитемнестры - одну из главных в трагедии «Орестея». Я вообще не очень понимала, зачем он за это взялся. Но когда на первой беседе он объявил, что ему все равно, будет в зале один человек или миллион, мне стало ясно, что спектакль - это его лаборатория, его поиски. И, конечно, было интересно принять в них участие. Хотя я так и не смогла абсолютно соответствовать его рисунку. Мне кажется, у первой исполнительницы роли Екатерины Васильевой все получалось точнее. Он - против всяких эмоций, слез и чувств. Его создание - машина, которую он включает, и она начинает работать. И кстати, производит на зрителя очень сильное впечатление, и эмоциональное в том числе, несмотря на то что сам он этого не любит. А я не смогла сделать так, как он хотел. Все равно давилась слезами по поводу потерянного ребенка, по поводу мужа, который ушел, и убивая этого мужа.

- А дал ли вам что-то в жизни Плучек?

Фото Ольги КУЗНЕЦОВОЙ

- Он почувствовал мою природу, увидел во мне то, что не видели другие и сама я еще не понимала, что мне дано. Так бывало с разными режиссерами - и с Эфросом, и с Товстоноговым: когда в их жизни появлялась актриса, в которую они верили и на которую ставили спектакли. Мне очень повезло, но и трудно было невероятно, потому что я сразу получила так много больших ролей, которые я, на всеобщий взгляд, проваливала и, естественно, не могла этого не чувствовать. Писали обо мне ужасно, в труппе я всех раздражала, и было тяжело продолжать тянуть эту ляжку, когда проще было уйти. Я понимала, что никакая я не героиня - по своим данным и по тем временам. Это сейчас проблемы с ампула уже не возникают, а тогда она еще сто-

яла. И я не должна была играть Софью в «Горе от ума», комиссара «У времени в плену», принцессу в «Обыкновенном чуде». А Плучек, видимо, носом чую, что грядут какие-то перемены, что нужно идти вразрез со штампами и общими представлениями о твоём ампула, давал мне материал на сопротивление. Я на этом и выросла. Плучек углядел во мне актрису. И поднял меня на совершенно другой уровень развития, как художника.

- Бывали ли в вашей жизни мужчины-рыцари, мужчины-мыслители, мужчины-воины? И вызывал ли кто-то из них восхищение в вашей душе?

- Это мой отец. В нем сочетались все эти качества. Он воевал, прошел всю войну, в первых рядах бежал. Как уцелел с божьей помощью, не знаю. Правда, потом быс-

тро умер после этой войны. Он любил мою маму без памяти, был всегда для нее рыцарем. Они никогда не расставались, только на время войны. Он работал слесарем-инструментальщиком на заводе, был не очень сильным мужчиной, далеко не атлетического телосложения. Невысокий хрупкий человек еврейской национальности. Очень красивый и очень хрупкий. Но тем не менее очень мужественный. И любил из мужчин, кого я знала, особенно современных, проигрывает в сравнении с ним.

- Вы мечтали когда-нибудь о любви и встречали ли ее в реальной жизни?

- Любовь - такое понятие, которое я даже не могу и объяснить. Если только страсть - это не любовь, только дружба - не любовь, уважение к друг другу, как к лич-

ности и профессионалу, - тоже совсем другое. Наверное, любовь бывает тогда, когда все это - в совокупности. А прежде всего когда ты живешь ради другого человека, когда он для тебя превыше всего. И ты встаешь за ним следом, но не перед ним. Когда ты его поднимаешь на пьедестал и несешь его, и счастлив, и горд этим. А если этого нет, то нет и любви.

- Вы себя считаете сильной или слабой? И кем хотите быть на самом деле?

- Хотела бы оставаться той, какая я от природы. Но очень боюсь, что мир против таких, как я. Я слишком беззащитна, и подо мной нет никакой опоры. Я одна на этом плоту, и чуть шторм сильнее, он начинает так раскачиваться, что, не дай бог, перевернется. Меня поддерживает совершенный абсурд - то, что на меня рассчитывают мои дети. И в работе от меня зависят многие люди.

- Вас не пугает возраст и то, что вы уже не можете играть роли, которые сыграли бы в молодости?

- Не пугает. У меня столько ролей, которые я хотела бы сейчас сыграть и которые подходят к моему возрасту. Я, например, играю Еву. Сначала во мне все возмутилось: «Ну куда я, зачем? Опять будут говорить, что я что-то доказываю». А потом начала играть. Господи! Это никакого отношения к возрасту не имеет. Сколько ей лет? Да хоть сто. Она, кстати, в 100 лет и родила первого ребенка, если на то пошло. И мне это легко, и меня забавляет эта откровенная буффонада, которую я очень люблю. Работаю я в трико телесного цвета, что меня тоже подстегивает. Ведь Бог лепил красивую женщину. И когда я увлеклась задачей, мне стало все равно - сколько мне лет и что обо мне подумают.

Я себя иногда спрашиваю: «Какой бы возраст я хотела бы иметь и на сколько хотела, чтобы мне было меньше. Трудно сказать. Ведь прямо пропорционально стало бы меньше и в моей голове, и в моем актерском багаже. Что я предпочту? Наверное, то, что имею сейчас».

**Беседу вела
Наталья САВВАТЕЕВА**